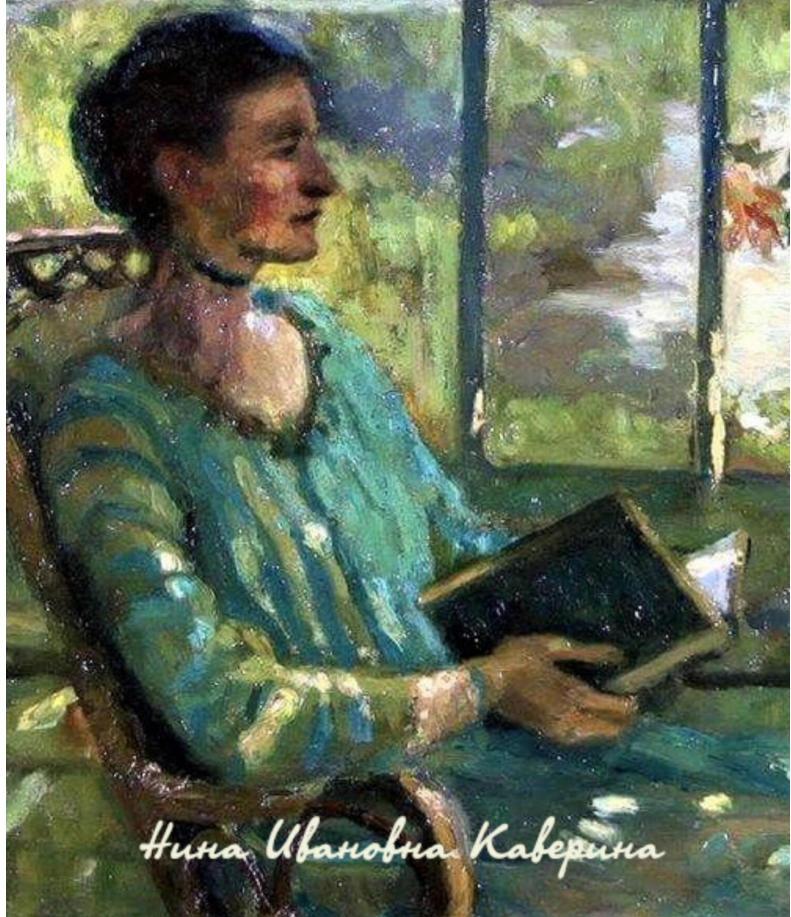


НЕДОКАЗАННОЕ



Нина Ивановна Каверина

Нина Ивановна Каверина

Недосказанное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289605

SelfPub; 2024

Аннотация

Мое имя – Каверина Нина Ивановна, родилась и живу в городе Красногорске Московской области, член лит-объединения «Звонкая строка». По образованию – филолог, закончила МГУ. В юности работала журналистом, потом больше 40 лет преподавала русский язык и литературу в школе. На пенсии. Записываю, что вспоминается, удивляюсь увиденному, реагирую на происходящее.

Содержание

Маленькая предыстория	5
Давно то было	10
Родные люди.	15
Так природа свои чудеса мне являла...	39
Дачные забавы	65
Каков он, человек?	80
Времени полет	109
В волнах поэзии плыву...	142
Мой привет далекому поэту	150

Нина Каверина

Недосказанное

Маленькая предыстория

Сохранился листок: «Первое стихотворение».

Тихо-тихо ветер веет.

В небе ярко солнце светит.

Речка под горой блестит.

А за речкой лес стоит.

1947 год. Ученица 3 класса Гольевской школы Нина Каверина.

На память милому Папочки».

Нашлась и тетрадка со стихами подростка. В стихотворении «Родина»

есть такие слова: «Твердо по заветам Ильича Сталин к коммунизму нас ведет».

Пионерское воспитание! В 10 классе по заданию учителя немецкого языка должны были сделать перевод из Гейне. Получилось. Заставили читать в классе несколько раз. А потом пришла юность, и мечты, и печали:

Еле-еле голубеют небеса.

Голоса

не слышны в немом лесу.

И росу

солнца луч не шевелит.

Так лежит

на листе она сыром,

смятом сном,
слезкою холодной.

Родились дети, читала им длинные стихи-песенки. Особенно любили про зайца, убежавшего от лисы в домик брата.

Работа в школе отнимает все время. Два стихотворения запечатлели суматошное, славное время.

Утро ясное, утро теплое.

Ледяная роса на траве.

Редким золотом осень выткала
первый след свой на темной листве.

Еще рано, пустынен мой город.

В золотистом тумане дома.

Только мне он особенно дорог,
когда жизни кипит кутерьма.

Первый день сентября молодого.

Он нахлынет потоком детей
и цветов. И, наверное, снова
каждый вспомнит о дальней своей
школьной юности, ею зажжется,
проводя глазами ребят
и не сразу, не скоро вернется
в трудный день свой из детства назад.

Ну, а я... Я останусь в том крае,
где взрывная живет тишина,
то пугает тебя, то ласкает

детских душ кочевая волна.

Закружится, как шар многоцветный,

зазвучит, заиграет мой день.

А пока час безмолвный, рассветный

не спеша гонит сонную тень.

У меня есть пятый класс – малыши задорные.

Очаруют тотчас вас души непокорные.

Раз – дерутся, два – лежат на полу, сцепились,

три – вскочили и уже где-то растворились,

растеклись по этажам. Переменка школьная!

Но звонок. Сидят, пыхтят. Где ты, жизнь привольная?

Надо суффиксы искать, падежи, склонения

и писать, писать, писать – аж, до помрачения.

А среди них девчонки есть, пишут, не собьются.

Все четверки и пятерки им и достаются.

Всё это помнилось, тревожило, занимало и не давало покоя.

Благодарение

Осень поздняя. Рано темнеет.

Теплый сумрак заполнил мой дом.
Слышно, дождь, будто нехотя, сеет.
Как там улица? Что за окном?

Подошла. Красота-то какая!
Реки движущихся огней,
Белых, красных тревожная стая
Еле тянется. Надо б быстрее!

Едут, едут усталые люди,
Потрудились, пора отдохнуть.
Моих сверстников с ними не будет,
Где-то рядом проходит наш путь.

Грустно? Да... Нас упрямое время
Попросило сойти на ходу.
Пережитых лет тяжкое бремя
Не отбросить, оно на виду.

Тихо движемся. Как же иначе?
И в пути появляется вдруг
Удивительная задача:
Вновь взглянуться в себя и вокруг.

Нас несло ежедневное «надо»,
Как экспресс мимо милых картин.
Я теперь их приветствовать рада
Иль с собой быть один на один.

Жизнь всегда и сечет, и ласкает.
И, свободу найдя, человек
Понимает, ох, как понимает,
Что недолог заманчивый век,

Что шагать, даже тихо, непросто,
Что друзей сокращается круг.
Вопреки всему радуйся – во сто
Раз сильнее, чем и правнук, и внук!

Благодарен будь каждому утру:
Ты шагаешь по теплой траве
И лицо подставляешь ветру,
Машешь вслед отгоревшей заре...

Появилось время – родились стихи. О чем они?

Давно то было

Дары памяти

Рождается ребёнок – белый лист,
на нем ни буковки, ни малой точки.
Мелькают годы, и уже не чист
листок: из запятых возник росточек.

Стал заполняться памяти архив.
Год сорок первый – ранняя ячeya.
Сигнал бомбежки – ноющий мотив –
в землянку гонит строже и бойчее.

У взрослых сумрачный, суровый взгляд.
Темно. Язык копилки сонно светит.
Все ждут, где новый гроыхнет снаряд.
Считают: раз... второй, неужто третий?

Давно то было... Мой архив созрел,

заполнен так, что отлетают крышки.
Но странно: целый ворох не у дел,
мертвы, оттуда голосов не слышно.

Другие голоса и гомонят,
цветные запускают киноленты.
Какой закон высвечивает ряд
живой, взрывая памятью моменты?

Не знаю... Ими линия, судьба
прочерчена, блестит передо мною.
Уже семья, работа и – борьба
с самой собой, с нехватками, с бедою.

Ошибки, есть особые. В глазах
темнеет при одном воспоминанье.
Оценки изменились, но назад
дороги нет. Бессильно их признанье.

Тут словно бы из табакерки черт,
выскакивает память о постыдном.
Ну, мелочь, ну, случилось, низкий сорт
моих поступков... Их уже не видно!

То совести отчаянный порыв
дать подзатыльник за дела былые.

...А памяти священные дары
вычерчивают линии святые.

Прикосновение

Мосточек шаткий через речку,
согретый золотым лучом.
Девчушка принагнула плечи,
присела, нет, легла ничком.
Взгляд утонул в воде студеной,
в тенетах плавающих трав.
Мальки застыли отстраненно
от глаз ее. Намок рукав.
Приподнялась – исчезла стайка,
рассыпав блески тонких стрел.
Где рыбий домик? Угадай-ка!
А глаз уже во тьму глядел.
Песок на дне ребристый, светлый,
а под корягою темно.
Корней живых свисают петли.

Там рыба спит или... бревно?
В тени моста лягушка дремлет.
Распялив лапки, поплыла.
Стрекозы задевают стебли,
от них кружится голова.
Прикосновенье к тайне новой
произошло. Нет сил уйти!

Глаза закрою и – готова
той сказки сладость обрести.

Стихи мои, свидетели живые...

Стихи неловкие из-под пера подростка –
в них шутка зазвенит и озорство.
У дочки расцветающей? Да просто
любви, еще неясной, волшебство.

А чем же дышит на краю, на краешке
пути земного разбежавшийся ходок?
Присел устало он на теплый камешек
и в думах долгих, тяжелых изнемог.

Глаза закрыты, но вослед желанью

в глубинах памяти затеплились огни.
«Родные лица! К ним любви признания
вложу в стихи. Прочти и помяни!»

Был путь мой по земле не очень ладный:
вот кочка – по воде слепой бреду,
там берег впереди манит туманный,
приковылял, а вышло – на беду.
Кого-то слабого обидел без стеснения,
за кем-то, торопясь, недоглядел...»

Стихи сложились, трудное прозрение
он пережил – таков его удел.

Не только прошлое цепляет за живое –
рой нынешних событий и страстей:
как плотно тень легла для жадного разбоя,
как трудно совестью озолотить детей...

Открыл глаза: земля в красе осенней
сияла в бледных солнечных лучах.
«Порадую тебя я тихой песней,
пока играет свет в моих очах.
Одна ты мир даешь моей душе
даже на самом трудном рубеже».

Родные люди.

Отец

Серенькие фотоснимки я держу в руках.
...За столом сидит отец. Это на Брусках.
Не спешит за завтраком. Значит, выходной.
Этот снимок маленький – самый дорогой.

Жизнь с ее насущным хлебом предо мной встает.
Веет от нее покоем, словно нет забот.
Здесь отец – ровесник внуку (его еще нет).
До печали, до разлуки много-много лет.

* * *

Кинолентку памяти разверну в тиши.
Набегут видения – выбирай спешу.
Из прожитой дали свет угасших звезд
Мчится и являет время в полный рост.

/Послевоенные годы/

...Домик бабы Дуни. От печи тепло.
Снегом в блестках лунных окна занесло.
Вся семья расселась за большим столом.
Ждут: отец раскроет снова старый том
И начнет читать нам о тайге глухой,
Об эвенках мудрых и простых душой.
Час тот как награда за скупые дни,
Светлую отрадой наполнились они.

Сохранились с той поры как наследство наше
Две большие книги – для меня нет краше –
«Пушкин» и «Некрасов». Желтые страницы
Осветили детям и сердца, и лица.

/Шестидесятые годы/

Расслоилось племя: три семьи теперь.
К деду с бабой внука не пускает дверь.
Все-таки пробрался – никого! Присел
На диван, печально, тихо засопел.

Дедушка явился:

– Миша? Как дела?

– Плохо, очень плохо: мама забрала

Все мои игрушки.

– Шутишь?

– Не шучу,

Я с тобою рядом полежать хочу.

Все подушки убраны, улеглись вдвоем.
– Вот теперь мне хорошо! Сказочку начнем?

/Семидесяты́е годы/

Я тружусь в далекой сельской школе.
Транспорт – никуда! Так поневоле
За полночь порой спешишь домой
(Педсовет, театр иль путь иной).
Кто стоит в низине у шоссе
Под зонтом весь в дождевой росе
С тростью алюмин(и)евой в руках?
Ни души кругом, тревожит страх
Вряд ли за себя, скорей за дочь.
Выпускай ее, колдунья-ночь!
Ждать и догонять – нет хуже ремесла.
И забот отцовских много, нет числа.

* * *

В веке горьком-горьком довелось родиться.
Ухватил не журавля – невеличку-птицу.
Скучно, трудно выживали мама и отец.
Беды не охолодили добрых их сердец.
Жизни радости простые мимо не прошли.
Все сумели, все сложили, все нашли.

* * *

С днем рождения, отец! Сто десять лет!
Буду помнить, пока буду видеть свет.

Мама Аня

В тумане времени далеком
ловлю картинку пестрых дней.
В крестьянском доме вышли сроки
родиться матери моей.

Сестер, братьёв немала куча.
Раздор подросших мужиков
с отцом. Глухая бедность мучит.
Но светел день, хоть мир суров...

На удивленье, баба Дуня
была улыбчива, смела.
Судьбу не проклинала втуне,
семью держала, как могла.

Характер тот достался Анне.
Жизнь уготовила войну,
и труд, как марш по полю брани,

и коммуналку не одну.

Удача главная: муж в силе,
опора, друг, отец наш. Дом!
Мы в нем тепло и дружно жили
в тот трудный век в краю родном.

Смеяться мать не разучилась,
петь песни и озорничать.
И так нечаянно случилось
до девяноста достучать.

Ценю в себе следы благие
душ женских в маминой родне.

Полегче век пришел, другие
созрели в сытой тишине...

Благословляю тех, кто в схватке
судьбы с судьбой за право жить
любовь и силы без остатка
отдал, чтоб горяшко избыть.

А там как Бог даст...

Позарастали стежки-дорожки...

Козловская дорога
теряется в кустах,
безлюдна, бесприютна.
Одолевает страх:
вдруг кто-то злой появится,
кругом ведь ни души.
Бегом, бегом, и вышла я
в поселок из глуши.

Но – стоп! Остановилась,
глазами повожу.
Клубком назад полвека
и больше отвожу.
И вижу я воочию:
брусчатые дома,
согреты ранним солнышком,
глазеют из окна.
Горошинами катится
народ со всех сторон,
соседа и товарища
зовет, скликает он.
И вот уже колонна,

как в красный Первомай,
тянулась по Козловке.
Всех разом принимай,
завод, своих рабочих!
Потоку нет конца...
Здесь вижу пару тихую,
родных мать и отца.
Десяток лет по тропке
заветной проходили.
Для них светило солнце
и тучки дождик лили...

Промчалось все, как в детстве
хорошее кино.
Дарить и обворовывать –
то времени дано.
Завод не собирает
народ, как сердце кровь.
И умерла Козловка.
И жаль бывшего вновь?

Нарядные автобусы
везут народ привычно,
маршрутки обгоняют –
зачем пешком ходить?
Цветные иномарки,

удобный транспорт личный,
в Москву с утра увозят,
чтоб денег раздобыть.

Память о крёстном

*«Но огоньки есть. С надеждой на них будем терпеть,
думаю, недолго... Все уляжется, и жизнь пойдет своим
чередом». /Из письма с фронта/*

Преодо мной листочек пожелтелый,
сбережённое отцом письмо.
Из годов смертельных прилетело.
Почему одно? Всего одно?

Весточка от дяди Серафима –
сына, брата, зятя. В тех годах
радость без границ: промчалась мимо
пуля-дура, чуть слабее страх.

Оживает робкая надежда,
манит в черной дали огоньком

и Анику-воина. Он прежде,
нет, всегда берег её ...тайком.

А сегодня, брату отвечая,
хочет верить с Ваней в унисон.
Хоть и трудно: где Сибирь чужая –
где Донбасс горящий? Быль, не сон...

В том конверте есть и похоронка.
В сорок третьем мокрою весной
приютила дальняя сторонка
в погребенья братском прах родной.

Навсегда для матери остался
без вести пропавшим, но живым!

«Пламенным» (с еврейского) – так звался
не случайно воин Серафим.

Лепечут малыши

Сохранились записи смешных и трогательных словечек, произнесенных моими детьми в младенческом возрасте. Некоторые приведу здесь.

Стихи? Их цель – изобразить ситуацию, которая вызвала реакцию ребенка. Сами детские слова не ввела в стихи, чтобы не ломать, оставить нетронутыми.

* * *

Ножки неокрепшие по полу топочут.
В кухне перед бабушкой голову поднял
И уткнулся в фартук, быть один не хочет.
Волоски сияют в мягком свете дня.

– Внучек, дай поцеловать твои лапки!
– Они сахайные? К чаю?

* * *

Ах, апрель, апрель... Мокрые дорожки.
Наконец-то дома! Отдохну теперь.
Прискакал сынишка, постоял немножко.
Как я мою туфли, смотрит через дверь.
Вдруг взглянул с сочувствием в глаза
И лукавым шёпотом сказал:

– По лужам ходила?

* * *

Сказки. Ох, как любят! Чтобы пострашней.
Мир таким и видится – сколько лет и дней...
С чудесами, тайнами, с верою в добро,

Где герою милому крепко повезло.

Но Снегурочка растаяла.

– А я?

Папа: – И ты из снега, растаешь.

– Мама, правда же я не растаю? Я летний!

* * *

«Дюймовочка».

– А меня не утащит ззаба (жаба) через окно?

* * *

Праздник. Стол обильный накормил гостей,

Подпоил немного, впрочем, без затей.

Расцвели у родичей и душа, и тело.

– Может, песню запоём?

– Это дело, дело!

– Ну-ка, дочка, запевай.

– А что будем петь?

Кроха ручки развернул – нечего робеть.

– Что? Кукареку!

* * *

Слышу, дверь закрылась,

Хлопнула уж слишком.

Ясно, то явились папа и сынишка.

Вижу: шапка набекрень,
На сапожках глина.
Обнимаю, целый день
Не видала сына.
От всего освободился
Вновь ко мне скорей.
Поднял личико, смутился
Зоркий воробей.

– Мама, у тебя глазки не светятся.
Сними очки.
– Вот теперь светятся!

* * *

Бесконечную тайгу
Раздвоили рельсы.
Поезд вдалеке «гу-гу»,
Уж дымок развесил.
А на шпалах этих
Рыжий олененок.
...Фото странное в газете
Увидал спросонок
Мой малыш
И, словно шквал,
С той газетой прибежал.

– Мама, дай скорее ножницы, я отрежу олененка, а то его сейчас поезд задавит!

* * *

Мудрецы, ученые, пророки
Ищут правды столько лет!
Новые откроются им сроки,
А ответа не было и... нет.
Интересно, а с каких годков
Истину искать дитя готов?

– Мама, я большой?

– Большой.

– А гайдиёп (гардероб) большой?

* * *

– Мама, почему русских никто не победит?

– Потому что мы сильные и воюем за Родину.

– А если все фашисты возьмут спички и зажгут,
и на нас пойдут... Все равно не победят?
(три и шесть лет).

* * *

Первомайский праздник из домов нас гнал,
В сад цветущих яблонь город превращал.
Школьников колонны с ветками берез

Молодили улицы, трогали до слез.
Где-то марши ухал духовой оркестр.
Звуки разносились далеко окрест.
...А сегодня дождик. Дочку не беру
Простудиться может крошка на ветру.
Нет, не понимает ни на волосок
От обиды горькой дрогнул голосок.
– Да, мамочка, ты пойдешь на демонстрацию,
ты будешь новая, а я буду старая.

* * *

Детские рисунки, детские слова,
Резвые порывы тела и души...
То начало жизни, первая глава.
Чем вы удивляете? Чем вы хороши?
Родниковой чистотой маленьких сердец,
Радостью отчаянной, плачем без границ.
Много замечает маленький хитрец.
Взрослых повергает пред собою ниц.
А порой являет зазеркальный мир,
Где других размеров вещи и слова.
В нем он не уверен, хоть и командир.
Нам шутить вдогонку отдает права.

Полнолуние

Лунная дорожка так ясна,
на моём полу лежит.
При свече небесной не до сна:
тихим светом мир залит.

Чудятся знакомые глаза,
в них прощенье и печаль.
Давней милой жизни голоса
чуть слышны – такая даль!

Всей душой пытаюсь воскресить
дней заманчивых виток:
лето в деревеньке, деток прить
и сухих грибов мешок.

Сколько лет прошло? Ох, много лет!
Растворился грустный взгляд.
В эту ночь колдует лунный свет –
в синеве глаза горят.

Возмужали сыны и дочери

Возмужали сыны и дочери,
в руки взяли забот короба.
То дорогой идут, то кочками.
Где осядут – в селе, в городах?

Время их не жалеет, уводит
от себя, от семьи, от детей.
Будней серых, невзгод хороводы
тихо кружат, порою больней.

Старики... Они ходят меж ними,
замечают, что пасмурен день
и, бывает, руками своими
сгонят облака тяжкую сень

добрым смехом, приветливой речью,
горкой пахнувших – всласть! – пирогов,
взглядом светлым, как малые свечи,
что горят у священных даров.

Взор сияет, а в сердце тревога.
С нею ночь до утра коротать,

на заре разговаривать с Богом:
не вернет ли в семью благодать.

Хорошо, коль хватает силенок
нужным быть – чем-ничем, а помочь.
И обласкан бывает внучонок
пощедрее, чем в давности дочь.

Поучать? Спотыкались когда-то,
обжигались – так стали умней.
Вряд ли примут, решат: староваты.
Ты хоть вскользь заикнуться посмей!

Так нужна ли ослабшая старость?
Что привносит в суровый наш быт?
Без неё сиротой станет младость...
С нею праздник любви не забыт...

Радостные сны

Уж близок день пасхальный, день весны?
Иль Рождества рассвет туманный?
Сегодня праздник: радостные сны
Обманут меня сказкою желанной!

Пусть я увижу стол с румяной уткой,
И дети за столом, здесь сын и дочь.
Так хочется развлечь нелепой шуткой
Гостей любимых, чтобы превозмочь

Гнёт трудных (так сложилось) отношений.
Не вышло? Нет. Я рада и тому,
Что Бог услышал давние моления:
И дочь, и сын рядком в моем дому.

О, если бы еще приснилось
(Конца нет сладостным мечтам),
Что тяжкая обида позабылась,
Ошибки были тут и там.

Да, терять родных – терять себя,
Пустота растет на этом месте.
А отгадет сердце, как земля,
Зазвенят в душе благие вести.

Я проснулась утром – сон пропал,
Дочка далеко, у самой Волги.
Дом мой бедный не слышал
Ее походки долго, долго...

* * *

Жизнь в полвека все оценит, обнажит.
Давний гонор, как туман росой, осядет.
Человек совсем не прежним дорожит,
Не всегда с собой и миром ладит.

Он достоин пониманья и любви.
Я зову любовь, и ты ее зови!

Явление внучки

К старикам под вечерок
гостя молодая
заглянула на часок.
Радость-то какая!

Зол морозец в январе,
щеки разрумьянил.
В лучшей девица поре.
Обнимают Таню.

– Вот ватрушки на столе,
пирожки с капустой.
Ты садись да чай налей,
и тепло, и вкусно!

Суетятся старики,
и откуда смелость?
– Пировать мне не с руки,
час назад наелась,–

отмахнулась внученька,
глазками играя.
Бабе с дедом скучно так
сделалось – до края!

– По дороге,– говорит,–
подарили диски.
Будем слушать новый хит,
первый в модном списке.

Час проходит. Не вздохнуть,
хоть и рвется слово.
Сердце, кажется, чуть-чуть
защемило снова.

Наконец умолкли песни.
Срочно внучкой выпит чай.
От ватрушек в сумке тесно.
– Старички мои, гуд бай!

Дверь захлопнулась. Похоже,

воцарилась тишина.

– Песни потерпеть мы сможем,
лишь бы здесь была она.

– Так, старушка?

– Так, дедок.

– Явится?

– Коль выйдет срок.

Чай душистый вновь готов.

Вздых, улыбка тает
на морщинках стариков,
где-то взгляд блуждает.

Вечерние печали

Вечереет. Задумчив и кроток
догорал над полями закат.

За день столько исхожено тропок –
вдаль поутру и снова назад.

Постою я в тиши у калитки,
отдохну от нехитрых забот.
Но раскрылись печальные свитки,
затянули в свой круговорот.

О себе горевать не пристало:
ноги носят и руки сильны.
Век мой клонится к ночи устало,
то – как должно, менять не вольны.

Все печали о родных кровинках,
что в начале, в середине пути.
Неразумные в жизни заминки,
нет, не видят. Господь их прости...

Нет, не видят, а думают – зрячи,
так уверены в правде своей.
Их решать мировые задачи
приучили. Свои бы – верней...

О другой защемило сердечко.
Скажет, скажет, себя же дразня:
«Жизнь неслась, как бурливая речка,
где-то там, без меня, без меня!»

Зорька тихая в небе погасла.
Потемнело. След к дому пропал.
Как лелеять дитя не напрасно,
чтобы к счастью свернула тропа?

Городской романс. Подражание

«В горнице моей светло» /Николай Рубцов/

Снова открываю я глаза,
вижу милый белый свет.
Голубей печальных голоса –
утра нового привет.

Комнатка уютна и тепла,
ждет моих шагов разбег.
Что там за окном? Шуршит метла,
ловок ранний человек.

Вот и рассиялся вешний день.
Гул от деловых авто.
Еле долетает птичек звень –
распахну окон стекло.

Мой приют как станция в пути.
Нынче прибегут, встречай:
внучка-непоседа, сын зайти
обещался невзначай.

То-то мне так весело с утра.

Мил и сладок белый свет.
Собирать себя в поход пора:
угощать – святой обет.

Вновь смежает очи будний день,
отшумел, отголосил.
Пусть недолгой будет ночи тень,
встретить утро хватит сил.

Так природа свои чудеса мне являла...

2016 год

Крымское утро

Дымка серебристая над прохладным морем.
Солнце успокоено сенью облаков.
Там, на горизонте, в сумрачном уборе
Замершие волны горных берегов.

Утро обещает радость обновления.
Пляж горячей галькой наши пятки жжет.
Лишнее с себя я сброшу без стеснения.
Вон оно – смеется, вон оно – зовет.

Море обнимает шелковой водою
Зноем пропеченные красные тела.
Глянь: Венера вышла, удивив красую,
Следом та... которую природа подвела.

Никого, однако, вовсе не волнует,
Кто посмотрит косо на тебя.
Море приласкает, солнце расцелует:
Ты для них любимое дитя!

Разговор с морем

Здравствуй!
С каким настроением
Ты новое утро встречаешь?
Может, смирение
После вчерашнего шторма являешь?

Вот сколько солнечных звезд
По всему окоему!
Знаю, ты, братец, не прост
И твой дух неумный.

К самой воде я спущусь
И на камень присяду.
Чаек кой-чем угощу,
Посижу с тобой рядом.

Как завиваются волны –
Твой вздох и язык!
Он и живой, и вольный,
Вечно спорить привык

С неподвижной, немую землей.
Ты – боренье, она – покой.

Но сегодня здесь я, человек.
Ты начинаешь разбег,
Ластишься, пеной кипя, -
Ласковое дитя.

Загляделась я на облака,
А посланница моря близка,
Окатила соленой волной,
Как из лужи малыш озорной.

Твой характер ярится, кипит.
У волны угрожающий вид.
Вдруг взвилась, словно конь,
Когда шпоры в боках.
Мой восторг пред тобой и мой страх!

Ухожу, как от шумного, буйного друга.
Час блаженства – твоя заслуга.

Да и что-то в душе родилось:
Радость жить, непокорство, веселая злость.

Летние зарисовки

Дождь и солнце

Прокатился замедленно гром.
Расшумелись ожившие листья -
Дождь! Стучит, словно просится в дом,
Мажет стекла неистовой кистью.

Первый натиск прошел. Говорок
Затихает, но все еще длится.
Настежь дверь – выхожу за порог
Вместе с садом дождем насладиться.

А он с тучей уплыл. Тут как тут
Солнце. Глянуло оторопело:
Каждый лист будто вылез из пут,
Вверх топорщится ловко и смело.

Солнце тоже не промах. Нашло
Молодую всю в ягодах вишню.
Снизу капли свисали. Зажгло
Сотню люстр. Вот уж сказочно вышло!

Так природа свои чудеса
Мне являло в июньское лето.
Дух жасмина и птиц голоса...
Нет, о них еще песня не спета.

Июньский закат

Зной томительный долгого дня...
Тучка кинула несколько капель
Влаги и отлетела, дразня
Смутным рокотом, отблеском сабель.

Она вспомнилась перед зарей,
Тихой вечерней порою:
Жаркой радуги столб над землей
Вспыхнул, не изгибаясь дугою.

Начинал свои игры закат.

Рассиялся вверх, вширь до востока.
Свет пронзительный, словно набат
В душу лился тревожным потоком.

Заприметил березку, кусты,
Развернул их на огненном поле.
Радуг в небе не гасли цветы,
Разгорались в синем раздолье.

Рядом с радугой строй облаков,
Словно снег, пролетал в небесах.
Оглянулась – красных платков
Вьется дивная полоса.

Так держала под небом меня
Зорька поздняя летнего дня.

2017 год

Февральский денёк

Как февральские морозы и метели
Вдруг поникли, улеглись и присмирели.
Небо ввысь поднялось, засинело.
Солнце лучиком слепит то и дело.

Хоть зимы белизна,
Но пришла новизна:
Тут и там проталинки,
отсырели валенки.

День что праздник какой – веселит, бодрит.
У румяных прохожих задиристый вид.
Людам вторят голуби, синицы.
Глянь: из лужицы пьют, из криницы.

Будет завтра метель,
Послезавтра – капель.
А мороз и весной
подгоняет: не стой!

Все березки еще по колено в снегу.
Ветер сквозь пролетел, а они ни гу-гу.
Но от солнца сегодня запахла кора.
Просыпаться им скоро наступит пора.

Еще месяц зимы,
полшага до весны.
Нам она улыбнулась,
значит, где-то проснулась.

Мелодии весны

Конец апреля, первый день на даче.
Разор кругом, холодный неуют.
Нависло небо, хмурясь, чуть не плача.
Но, боже, чудо: скворушки поют!

На голой ветке, высоко заброшенной,
Трепещет крыльями от страсти молодой,
А в горлышке катаются горошины.
И звон такой, что шапку – в горсть, долой!

* * *

Кто ж они, первые,
что зацвели?
Примулы куст
отряхнул от земли
листья,
их веером разложил.
Вспыхнули глазки
из лопнувших жил.

* * *

Под сливой неодетой

Средь листьев черноты
Издалека заметны
Какие-то цветы.

Оранжевые шарики
Ревень нам подарил,
Он в кулачке-фонарике
Листок-младенца скрыл.

Искусно упакованный,
Весь сморщенный листок
Расправит ушко – новое! –
Уж на другой денек.

* * *

Береза в отдаленье высоко поднялась,
В воздушном океане раскинулась всласть.
Флажки весны развесила – листочки с ноготок.
Решил ею потешиться хозяин-ветерок.

Холодные, шальные те майские ветра.
Ствол белый раскачали – уж пощадить пора.
Но ветви колыхались так живо, зелено,
Вся крона волновалась, как шёлка полотно.

Да это танец плавный под музыку весны.

Береза – нет, невеста! – вступает в мои сны.
Внимаю всей душою бесшумный карнавал.
Миг, созданный тобою, весна, он не пропал!

Ну и лето!

Дни студеные с ветром неистовым,
злая морось с крупой ледяной.
Вслед – из черного облака выстрелом
белый снег замутил свет земной.

Нам такие подарки раздаривал
май шальной и июнь прихватил.
Что ж, грехи свои срочно замаливать?
Спорить с вздорной погодой нет сил!

А пока мы ворчали да кутались
в куртки зимние, травка росла.
Сроки цвет распускать, правда, спутались,
ждали летнего солнца, тепла.

Дождались, оглянулись – не верится:
одуванчиков жаркий поток
засиял. Так случается, девица
вдруг раскрылась, как маков цветок.

Пусть сегодня опять водопадами
дождь беснуется. С гуся вода!
И сирень, и калина парадными
развернулись. Цветут города!

* * *

Сирень дождем умыта,
пушиста и свежа.
Кистей тяжелых свита
колеблется, дрожа.
Обеими руками
ту роскошь обниму,
с закрытыми глазами
в сирени утону.
Вдохну невыразимый
словами аромат:
прохлада в нем предзимья
и душный летний сад.
Всем существом приемлю
блаженство бытия.
Июнь пришел на землю!
С ним за руку и я.

Липа цветет

Как глубокой осенью, не спешу проснуться:
небо в одеяле ватных облаков.

Сыростью холодной, может, хватит дуться,
а, июль-июлюшко? Ты ведь не таков!

Солнце поздно, за полдень, продирает око.

Сразу расшевелится в ком жива душа.

Комары и ласточки зазвенят высоко.

Глядь – веселья летнего нет уж ни гроша.

Но сегодня солнце с жаворонком встало,
целый день на вахте – ну и чудеса!

Бутоны белые для большого бала
липа поразвесила в зелень-волосах.

Аромат медовый удивит прохожего,
озираясь, ищет над собой каскад
золотистых звездочек – липовое крошево.
Запоздавшей новости он безмерно рад.

Рассиялись липы – рассиялось солнце.
Напоследок праздник вышел хоть куда!
Проглянуло лето в светлое оконце.

Огорчало что-то? Не лиха беда!

Чудо-фильм

Наш автобус дребезжа плетется
тихой подмосковной стороной.
Взгляду сонному вдруг удаётся
синий замок заприметить неземной.

Верхний край—каемка так слепила,
словно молнии залетной полоса.
Сноп лучей прикрытого светила
тот чертог воздушный расписал.

Они дымным веером лучились
из-за мрачной облачной стены.
Понизу окошечки открылись:
око солнца видеть все должны!

Засияло крупным бриллиантом,
превратилось в таборный костер.
Где там замок? Синие гиганты
полетели в северный простор.

Сколько ярой силы в том движенье,

сколько жара в огненной норе!
Тает, расплывается виденье.
Ближе – к утихающей поре.

Превратились темные драконы
в лоскуты, застывшие вразброс.
А костер? У тихого затона
для ухи рыбак дровец принес.

Подъезжаем. День за солнцем следом
уплывает. Светят фонари.
Чудо-фильм, сколь часто ты неведом
промелькнешь... до будущей зари.

Я помню эти дали...

Снежок засыпал улицу.
Он вновь растает, верно.
Пока под ним сутулятся
озябшие кусты.
Дорожку намечаю,
следы рисуя мерно.
Под бледными лучами
простой узор застыл.

Как будто в сновиденье,
я вижу пред собою
Юсупова именье,
парк, светлые леса.
Под зеленью деревьев
июньскою порою
синь-пламенем горели
лесных цветов глаза.

Кто столько их посеял –
гонцов немой печали?
Гляжу вокруг растерянно
от синей красоты.
Я помню эти дали,
куда мой взор причалил.
Укрой, снежок, о лете
без времени мечты...

2018 год

Два восхода солнца

Подмосковье

"В холодной яме января" /Пастернак/

Чуть брезжится. Просинец –
прозвание января.

Всего лишь на мизинец
день больше. И – заря!..

Но, Боже, что сегодня
сулят нам небеса?

Застыла я спросонья:
громада-полоса
свод тяжкий распорола
зловещею грядой.

На трауре проколы
зияют чередой,
льют свет кроваво-красный
и рядом золотой.

Тревогой не напрасной
звучат, еще мольбой.

По ним вуаль гуляет
из синей черноты,
то скроет, то являет
без радости цветы.

Ждала с тоской, с опаской:
рассеется ль мираж?
Его свел серой краской
рассвета карандаш.

Крым

Мы вышли рано, затемно.
Прохлада. Шелест моря.
Цепочкою старательно
шагаем по камням.
Здесь, на высоком месте,
с вожатыми не споря,
остановились тесно
в предчувствии огня.

Свершилось: солнца капелька
за дальнею скалою
чуть показалась. Мотыльком
блеснула, растеклась,

проникла в море сонное,
и светлой синевою
зажглись просторы водные,
в воздушные глядясь.

Вновь гимн в честь молодого дня
с рассветом прозвучал.
Сей миг волшебный для меня –
начало всех начал.

Снегопад

Вечер

Засыпает нас снегом
до краев, через край.
Снежных шорохов нега
разлилась – замирай!

В странном сумраке белом,
в шевелящейся тьме
мир, чужой без предела,
померещился мне.

Забелела одёжка
у спешащих людей.
Всё похоже немножко
на узор из теней.

Фонари потускнели
в снегопаде густом.
Где я? Двигаюсь еле
и найду ли свой дом...

Утро

Солнце красное сжато
нахлобучкою туч.
Выдираясь из ваты,
заблистал дерзкий луч.

Мир, увенчанный снегом,
опустился с небес
этой ночью. И следом
свет всей мощью воскрес.

Лето хвалим мы? Гляньте,
что умеет зима:
драгоценнейших мантий
завилась кутерьма,
деревя спеленала,

распушила кусты,
принагнув – и немало! –
веток в арки-мосты.

В этой сказке тишайшей
заблудись, в белом сне,
убегая все дальше
по знакомой лыжне.

В феврале

В феврале небеса синеоки,
искрометны потоки лучей.
В них купаются важно, как боги,
сосны с вольным размахом ветвей.

Снегопад им оставил в наследство
белых шапок нарядный убор.
Напросились вороны в соседство,
борздят поднебесный простор.

Опустилась и ветку задела
птица черным крылом. В тот же миг
заструился с высот запредельных
снежной пыли сыпучий родник.

Кисеей развернулся тончайшей.
Вижу блессток неслышный полет.
Знаю, кто-то волшебную чашу
тишины мне к губам поднесет...

Май. Первые дни.

Каждый месяц шлет подарки –
знаем, помним, ждём.

Но до срока не накаркай:
был январь с дождем
и апрель с метельной пляской,
летом хлябь и стынь.

А сегодня май что сказка,
летняя теплынь.

Нам гостинцев он насыпал
прямо через край.

Лист-флажок из почек выпал
в самый Первомай.

Соловей запел на зорях,
растревожил слух.

Вечерами сладко-горек

тополиный дух.

В лес бежать уже охота,
нет ли где сморчков.
Не пустая то работа:
две горсти даров.
На чистойшей белой ножке
рыжий колпачок.
Мы пожарим их немножко.
Вкус! Грибам почет!

Там же ландыш вылезает –
шильца на виду.
То весна бежит босая,
тянет, землю отрясая,
к солнцу гриб, цветы и травы.
Сколько жизни, Боже правый,
в тьме и на свету!

Утренние вести

Сон тревожный уплыл от прохлады,
что струёй пролилась из окна.
Птичий голос чечётку заладил,
словно вести несет:

«Зеленá,
зеленá моя тонкая ветка,
а еще зеленее трава.
Вон летит в зеленные просветы
солнца ярого шар-голова!»

Вести славные... Выбегу в утро,
может, кто-то еще голосит?
Толстый шмель, весь в ромашковой пудре,
о житье благодатном басит.
Ор сорочий! За ёлку слетела,
крутит издали ярким хвостом.
Протестует: в чужие пределы
я вступила. И вновь треск и гром!

Прилетел из далекого леса
скучный голос кукушки шальной.
– Что печалит, бездомный повеса?
Что попрятала в чаще лесной?

Так узнала я ранние вести
от строптивых крылатых коллег.
Это куры молчат на насесте –
мир свободный шумит весь свой век.

В цветочном царстве

Если есть клочок земли,
за который ты в ответе,
действуй, чтоб сиять могли
все цветы, что есть на свете.

Как задачка? Я своих
не смогу, не сосчитаю.
Ранний выскочил – притих,
хоровод закружит в мае.

А в июле золотом
под оркестр громов мятежных
движется вразброс, рядом
марш-парад красавиц нежных:

белых лилий, тёмных роз,
флоксов душистые охапки.

Но, смотрю, их перерос
одуванчик длинный, шаткий,
стройный... очень (что за сорт?).

Заявляет: "Чем я хуже?"
Что ж, не выброшу за борт.
Все мы разные, а дружим.

Вот еще такой один
заявитель больно смелый –
выше пышных георгин
стебелек ромашки белой.

Сил немало приложил,
чтоб из тьмы достать до солнца,
выдохнуть из тонких жил
крохотных ромашек кольца.

Победителю – виват!
Мир всегда упрямым рад.

Осень поздняя, поздняя

Осень поздняя, поздняя –
за проулком декабрь.
С колоколенки сонный
голос катит звонарь.

Серебристое марево
на земле, в небесах.
Сединою состарилась
вся живая краса.

Воздух жгуче-холодный,
пью его – не напьюсь.
Как покойна, просторна
ты, предзимняя Русь.

Дачные забавы

Трясогузка

Чеснок разбросан веером,
На стеблях подсыхал.
Головки тусклым серебром
Покрылись. Срок настал –
Корзину с урожаем
В тенек приволоку,
Усядусь крепко, знаю:
До ночи – на току.

Сдираю лихо кожицу,
Пошел чесночный дух!
Все ладно, но неможется,
Поговорить бы вслух...
С кем?
«Цвирк!» – звучит неплохо.
И снова «Цвирк!» да «Цвирк!»
То трясогузка-кроха
Устраивает цирк.

Сидит невдалеке
На чистенькой дорожке.
Подпрыгнет налегке:
«Смотри, какие ножки!»
То повернется ловко
И хвостиком качает.
«Ах, хороша плутовка!» –
Все это означает.

С ней говорю несмело:
«Хозяюшка моя,
Лес, сад мой облетела,
Лишь занялась заря.
Кто где живет, проверила,
Водицы испила
Из пруда. Мне доверила
Все прочие дела».

Заслушалась пичужка,
Не крутится, молчит.
Не бросила подружка
Меня – в траве торчит.

Общались я нередко
С пернатою соседкой.

Аист

Молодая птица повадилась
Обретаться в наших краях.
Для гнезда, видно, место понадобилось
На обветренных крепких столбах.

У соседа, поджав одну ножку,
Простоял изваяньем немым.
Нас внизу оглядел он сторожо
И повлекся к высотам иным.

Еще дважды на крепких подставах
Своё крупное тело держал.
Мы – тихонько за ним по травам:
Снимки сделать сам бог разрешал!

Аист в небе летит – диво дивное.
Крылья – белые опахала,
А головка и ножки длинные –
То струна огневого закала.

Улетал из деревни над лугом
В наливающийся закат.
Кто-то позже увидел: с подругой

На стогу ночевал наш собрат.

Эх! Колесо бы подвесить с ветками
Для гнезда на ближайшем столбе.
Аистиное счастье светлое
Отразилось бы в нашей судьбе...

СОВЫ

Вечер заявляет о себе
Холодком, безветрием, покоем.
Солнце вяло наконец мольбе
Всех увядших, истомленных зноем.

В тишине, от зорьки золотой,
Лес, возвращенный нами, отдыхает.
Елей, сосен, лиственниц настой
Хвойным ароматом удивляет.

Не шелохнется листва дубов,
Не лепечут травы и березы –
Раздается первый голос сов.
Это плач? А может, смех сквозь слезы?

Вот уж отклик слышится в саду

У соседа одного, другого.
Лишь стемнеет, совы череду
Перелетов затевают снова.

Я на писк иду, стою и жду.
Совушка замолкла. Углядела?
Да, меня! Быть долго на виду
Не пристало ей. И полетела!

Так бесшумно, плавно, не спеша
Пролетает, будто в сновиденье
Чудо-птица белая. Душа
Ловит каждое ее движение.

...Ночь. Для сов пора большой охоты.
Вышла к ним. Рукой подать – свистит.
Вижу ясно столбик на воротах.
Отдыхает? Мышку сторожит?

Днем мы совушек однажды находили
На развилке старого куста,
На стволе сосны, защитой были
Сучья и скворечник – неспроста!

Прилетайте, совушки, опять:
Вся для вас лесная благодать!

Дневник наблюдателя

Июнь, июль

На крыльце у самой кровли
темный уголок.

Столб надежный поневоле
ласточек привлек.

Выводок птенцов шумливых
где-то там, в гнезде.

Пара носится ретиво
с думой о еде.

24 июля

Пять комочков на ограде
ровненько сидят.

Папа с мамой долга ради
потчует ребят.

Продолжается кормежка.

Что у них – пикник?

Первый вылет! За порожком
новый мир возник.

Где-то заночует нынче
эта детвора?
Вечер. Гомонят привычно
в гнездышке. Ура!

25 июля

Утро доброе, соседи!
Странно: два птенца
на сегодняшнем обеде.
Где ж три молодца?

Понимаю: ловят сами
в небе комаров.
Ну, а двое снова к маме,
на ее улов?

Это те, кого теснили
братья в глубь гнезда.
В птичьем царстве те же были:
сжался – опоздал.

Трудный день. Семья довольна.
В уголке крыльца
писк такой, что уху больно:
радость без конца!

26 июля

А поутру опустело
гнездышко совсем.
Завершилось жизни дело.
Домик глух и нем.

Даже я осиротела.
Грустно на душе.
Что ж, летун, крутись умело
в новом вираже!

Такие они, овечки!

Потянул я носом:
странный запахок
залетел без спросу.
Может вызвать шок!
Дальше шелест слышу,
трутся об ограду.
Гурт овечек вышел.
Прогуляться надо
около деревни,
травки пощипать

и обычай древний
свято соблюдать:
врозь не разбредаться!
Кто учил тех братцев?

Как-то по дорожке
шел я, не оглох:
сзади топот, ножки
скачут как горох.
Обернулся, а за мной
старые знакомцы
ровной замерли дугой –
прямо полусолнце!
Все в шеренгу по одной,
мордочки – вперед.
Явно взводик шерстяной
приказанья ждет.
Честь отдать им за эскорт?
Шаг назад ступил –
следом взвод (ну, первый сорт!)
двинулся – застыл.
Твердой маршальской рукой
я послал приказ.
Овцы поняли: отбой
и – домой в запас.

Я давно уж замечал:
важен для овец
командир, кумир, овчар,
словом, царь-отец.

Маслята

Летом землю орошали
Частые дожди.
От травы спасешь едва ли,
Так коси, не жди!

А покосишь, вся усадьба
Что ковёр большой.
По нему весь день гулял бы,
Отдыхал душой.

Утром ранним золотистым,
Лишь покинет сон,
Из терраски теплой быстро
Выбегаю вон.

И бросаюсь я не в воду –
В зябкий холодок.
По росе, как бы по броду,

Медленный ходок.

Но по кошеным полянкам
Ты легко идешь,
Леса тайную изнанку
Вмиг распознаёшь.

Так и есть! В местах укромных
(знаем их давно)
Россыпь пуговичек скромных
Разглядеть дано.

Это рыжие маслята,
Лиственниц друзья.
Через пару дней, ребята,
Их узнать нельзя.

То румяные лепешки
Средь зелень-травы,
Прямо просятся в лукошки,
И они правы.

А пока грибочки в прятки
Вздумали играть,
На траву ступай с оглядкой,
Чтоб не потоптать.

Вся полянка как в веснушках,
Аж за гамаком.
Осмотрю еще горушку
За большим кустом.

...Как люблю их видеть здесь,
В утренней росе.
Они шлют нам тихо весть
О земной красе.

Новый Бонифаций

Ровные горошины –
эти дни на даче.
Рай мой огороженный,
не с кем посудачить.

Наконец-то и родня
вздумала приехать.
Борщ душистый все три дня
будет им утехой.

Подъезжают. Ворота
раскрываю шире.
Из машины – суета! –

гости. Три? Четыре!

Гость четвертый – славный пес
по прозванию Боня.

Лучше – песик, не дорос
и до кошки Сони.

Но – хозяин, мужичок!

Важная персона!

Белый с пятнами бочок
катит вдоль газона.

Все хозяйство обежал
следопыт дотошный:
шишку в челюстях зажал,
муху укокошил.

Правда, вся у Бони прыть
при одном условии:
госпоже любимой быть
в двух шагах, не более.

Вечер. Нас обнял диван –
пес урчит и скачет,
то игрушку дарит вам,
то притащит мячик.

Просит: будь моим дружкой,
а в глазах кураж,
лает, крутится волчком.
Все, малыш, шабаш!

Утром резво встретит нас
Новый Бонифаций.
Вот он, цирк! Хоть без прикрас.
Улыбайтесь, братцы!

Кто нам радостью живой
дни пронзил насквозь?
Друг с ушастой головой,
самый милый гость.

До новых встреч!

Школьных вёсен цветенье,
спор: кто я в жизни сей,
породили сцепленье
душ – твоей и моей.
Побежали мы рядом
по дорожкам своим.
Уж не юности садом

мчимся – в поле стоим.

Но сегодня далече
от тебя до меня.
Что ж, отложим мы встречи
до заветного дня...
Сколько лет не смотрели
мы друг другу в глаза?
Долетят еле-еле
лишь звонков голоса.

Но случилось чудо:
подкатило такси,
выплывает оттуда...
– Вот проси-не проси,
а назад не уеду,
пока не нагляжусь.
Кто из нас непоседа?
– Ты, Татьяна, сдаюсь!

Твой визит – всплеск души,
дерзкий протуберанец...

Замереть не спеши,
жизни радостный танец!

Каков он, человек?

«В душе то свет, то мрак, то холод, то любовь».

На ветру

Ветренный, студёный мартовский денек.
Поскорей в автобус, в тёплый уголок.
Ожидая отправления, глянула в окно.
Ой! Чужое откровенье в нём обнажено.

Краешек платочка прихватив рукой,
худенькая женщина на ветру свечой
Вьётся. Недосказанное хочет досказать
сыну отъезжающему трепетная мать?
Или мужу хмурому с лаской помахать,
чтобы миг запомнился, звал домой опять?

Я её лишь вижу. И свеча-любовь
полымем пречистым взволновала вновь.
Всю меня накрыла тихая печаль.
Золотым покоем засветилась даль.

Встречи

Глаза дорожки мерят,
А думы далеки,
Не холодят, не греют,
Как осенью деньки.

Да только лето красное
Кругом, лишь приглядишь!
Вон за оградой странные
Ромашки поднялись,

Малявки-ромашишки
На длинных стебельках.
Два цветика-глупышки
Застрали между плах

Ограды, будто просят
Со мной поговорить.
Тут в думках что-то носится,
Не вспомнить, не забыть.

Ну да, конечно, детский сад
Задержит на пути.
Прогулка. И народец рад

Свободу обрести.

Мальцы кругами скачут.

То бокс или война?

У девочек раздача

Обедов. Кутерьма!

Я одного лишь вижу –

Серьезное дитя

Пристроилось поближе

К ограде: вот он я!

В глазах чертенок озорной

И тысяча вопросов:

Мир этих взрослых – он какой?

Нахмурясь, смотрит косо.

Опять взглянул далеко-вдаль:

Там где-то мать и дом.

В душе обида и печаль.

Мир – непонятный он.

Хоть я ушла от тех картин,

Малыш в душе со мной.

Он несвободен и один.

Шепчу: «Крепись, родной!»

Вот что напели (получай!)
Мне белые ромашки,
Что просияли невзначай
Глазами нараспашку.

Глухие

Смотрю в вечерний тихий час
на мошек толкотню.
С усмешкой думаю: у нас
немерено на дню
уколов, сшибок, едких слов,
нечаянных помех
случается. Мой суд таков:
«Эх, помирить бы всех!»
... Не разлетается мошка,
все крутится клубком.
И я к соседке жмусь, пока
один мы делим дом.

Давно заботит неприязнь
двух не чужих людей.
Разговорить их? Но боязнь...
Желание сильнее!

Веду защиту. А в ответ
известных слов размах:
«Оставь надежду...» – то завет
на адовых вратах.
«Да так ли крепко виноват,
задумайся, дружок.
Ведь он как будто сват иль брат,
не лишний корешок».
Слова скользнули в пустоту,
потом в глухую дверь
толкнулись, на своем посту
слабея от потерь.

Не может милосердный свет
сюда пробиться. Жестко: «Нет!»

Но мы еще живем на свете –
те двое и я, третий.

Ненависть

«Не остуди своё сердце, сынок» /слова из песни/

Стеночка с соседкою
разделяет нас.

Про судьбу – не редкую –
поведу рассказ.

Разбежаться б с суженым
и сынка растить –
цель её. Жаль, мужу-то
негде жить да быть.

Не мужик, конечно, он.

Ненависти яд
в кровь вошёл,
и крики «Вон!»
породили ад.

Дверь и стены мужние
вкривь, и вкось, и в ряд
расписала. Скучною
злобою шипят.

Стоп! Опомнись, женщина!

Здесь подросток-сын.
В созданную трещину
канет не один
враг. Поверь: украдкою
злость заденет всех
своей мертвой хваткою.
То не смех, а грех.

За окошком ладится
бойкая весна.

Уж сирень-красавица
тяжела, нежна.
Мир недолго светит нам.
Стоит ли гасить
злостью с горем пополам
светлой жизни нить?..

Весенний разговор

Заглянула к нам в окошко весна.
То капель блестит, очнулась от сна,
убежать решила с крыш, с высоты
в тьму земли, где зреют травы, цветы.

Скоро ласточкой заявится дочь.
Прогоню её на улицу прочь
разгуляться с веселухой-весной,
не томиться в доме рядом со мной.

Над душой её как туча:
«Все подружки краше, лучше...»
Объясню, поймешь ли – нет,
волшебство тех юных лет...

По весне все соки вверх понеслись.

Ветки вширь потянулись и ввысь.
Ты же в юности сверх меры полна
живой силою – сосуд для вина!
Сама молодость сияет красой.
Развернись и ей поверь, песни пой.

Как разбудить спящую красавицу?
Сказочный лес: вековые деревья,
корни иль змеи ползут по земле,
жухлые листья, что нищих отрепья,
с веток свисают. Все стынет во мгле.

Там, в глубине, в сонном замке девица
спит, крепко спит – словно день, хороша!
Может быть, кто-то сквозь чащу пробиться
хочет? О ком-то страдает душа?

...Сказка, пришедшая к нам издалека,
из глубины улетевших веков.
Мы принимаем ее без упрека,
хоть и распалась на много ладов.

Вспомнила сказочку ту не случайно.
В наш электронно-компьютерный век
в дебрях квартир объявились нечаянно
скованно-сонных сто (нет?) человек.

Не на распахнутой царской постели
снами волшебными упоены
девы-красавицы. В кресле, у цели,
у монитора, где копяты сны.

Принцу-герою труднее, чем в сказке,
к деве пробраться: за вора сочтут.
– А ведь душа-то горит, просит ласки.
Может, балконный мне выбрать маршрут?

Жалко принцессу, царевну-девчонку!
Как не поймет: жизнь прекраснее снов.
В дебрях нет неба, нет радуги звонкой,
взгляда с любовью и прочих даров.

Мир тот пролить бы бушующим ливнем,
высветить солнцем весенним, шальным,
так чтобы садом, сказочно-дивным,
он обернулся. И дева за ним!

Дождь! Наконец-то! Веселым горошком
с громом ворчливым он правит свой бал.
Ждал я: раскроются настезь окошки,
сманит девчонку весны карнавал.

Как же, и форточки все затворила,
шторы задернула нежной рукой.
Нет злых колдуний. Какая же сила
тянет их в сети, в новый покой?

Неугомон

Свет приглушенный ночника. Тепло и тихо.
Мать чуть прикрыла сыновей. Шаг – и за дверь.
Пока пострелы дома – не случится лиха,
а утром их пути и замыслы измерь!

Привычен, тесен дом, когда десяток вёсен
ты прожил на земле. Твой взгляд кружит окрест,
под легкою ногой с травы катятся росы,
овраг, речушка – сколько непролазных мест...

Но хорошо
под вечер золотой
в пыли, как прах,
приковылять домой.

Так заиграет жизнь. Божок неугомонный
толкает повзрослевшего тебя
с геологом пройти край позабытый, сонный,

походное житьё, как свежий вдох, любя.

И всё же крепок
и хмельён твой день,
коль кто-то тянет
под родную сень.

Живое добро

Что вкуснее вкусного для меня на свете?
Расскажу. День помнится, словно был вчера.
Мы с сестрой Танюшкой – дошколята-дети.
Голодно. Военная хмурая пора.

Постучим в соседний дом, к мальчику Сереже.
У него игрушек – целый уголок!
Разрешили. Славно как! И раздеться можно.
Плюшевого мишку Сега приволок.

Время шло. Внутри у нас вдруг заворшилось.
Тетя Фрида (как смогла?) это поняла.
По кусочку хлебушка с вкусным белым жиром
и хрустящим красным луком каждому дала.

В памяти застряло, словно гвоздь серебряный,

это угощение слаще пирога.

Из години тягостной, с той дороги северной
доброта мигает мне – больно дорога!

Послевоенное время.

К людям завод подобрел:
в поле отмерил на племя
очень желанный надел.
Всюду сажали картошку.
Вырастет – сытно зимой.
Мы всей семьей понемножку
ладили труд полевой.

Осенью после работы
(сухо, а завтра как знать)
прибыли в поле. Заботы...
Дружная шумная рать
родичей вдруг налетела:
близко Григорьевых дом.
Наш огород им – полдела.
– И урожай отвезем.
Радуют пусть до поры
осени щедрой дары.

Вечер. Возвращаемся домой
по неровной мартовской дорожке.
У канавки скользкой спутник мой
за рукав попридержал немножко.

Так и шли. Все видел, замечал
и меня оберегал несмело.
Хоть морозец к вечеру крепчал,
на душе тепло. Такое дело...

Жизнь спешит, идет к итогу.
– Повезло?
– Да, людей хороших много.
– Ну а зло?
...Тронула седой затылок.
– Позабыла.

Кто ты?

Дремлет округа понуро.
Мартовский стылый денек.
Вдруг по глазам полоснуло,

взгляд оторваться не мог

от обнаженного тела
липки молоденькой. Вниз
кожа ремнями просела,
верх подсеченный повис.

В воображение всплывает
злости бессмысленной взлет.
Деревце умирает.
Деревце не зацветет...

Продолжение спора

– Коль, в театр пойдешь?
– Желанья нет.
Транспорт, суета, да и билет...
Дома у экрана благодать
возлежать в халате и жевать...
– Отвлекаться на игру с котом?
Позабудешь, пьеса-то о ком.

Билет в театр на столике в шкатулке.

Живет в нем радость завтрашнего дня.
Представлю: вход в фойе, в нем говор гулкий
разносится, пока не зазвонят.

В роскошный зал идет нарядный зритель.
«Любуются (так думает) и мной».
Трон плюшевый – теперь его обитель.
Настроился на праздник неземной.

И действие началось. Царит здесь слово.
А музыка! А танцев волшебство!
Заряжены сердца – их тысяча. Готова
искриться тишина – искусства торжество.

Зал дышит как один. Печаль – он замер,
а радость – множится, блестит в глазах.
Окончен бал... Я не один, мы с вами
несем свечу в распахнутых сердцах.

Смешные люди 1

*Редакционной коллегии историко-краеведческого
альманаха «Красногорье» посвящается*

В ближнем городе, в далеком
закружат тебя потоки
деловой толпы.

«Время – деньги», – причитают,
на пути своем сметают
палки – что! Столбы!

Приглядишься: среди них увидишь,
для кого не золото – финиш.
Где же их кумир?
Край земной так интересен,
есть стихи, есть море песен
и познания пир!

Вот пример. Вся жизнь – мгновенье,
но года, века в забвенье
не должны пропасть.
Наши предки жили-были –
где селились, как сломили
ворогов напасть?

Кто потом построил церкви
и дворцы, для лодок верфи –
словом, благодать?
И украсил земли наши
так, что не увидишь краше, –

кто? Искать, искать!

Всё изведать, что возможно,
и с любовью, осторожно
правду донести.

Цель заполнит дни и ночи
до краев. Заботам прочим
тут не по пути.

Вы с такими жили рядом?
Иль обменивались взглядом?

Золотой народ!

Их всегда несет куда-то,
Дон Кихота блещут латы –
дерзкий разворот!

С ними скучно не бывает,
жизнь заполнена до края,
лишь хватило б сил...

Кто-то ухмыльнется криво –
и напрасно. Так красиво
никогда не жил.

Смешные люди 2

*Посвящается заслуженному работнику культуры
Российской Федерации Бирючковой Н.С.*

*Описанная встреча произошла в ноябре 2017 года за
неделю до Всемирного дня матери.*

Давно не удивлялись вы? Знакомо и привычно
мелькают дни и встречи. Зачем глядеть назад?
Давайте лучше руку, сведу вас в дом кирпичный,
без лифта прошагаете все этажи подряд.

Я шапку-невидимку на голову напялю.
В квартиру проберемся и встанем в уголок.
Вблизи мордашка славная (Наташка... Может, Галя).
Их десять? Больше! Кто сюда детишек приволок?

Смешные пятиклашки на стульях, на диване,
то расшумятся весело, то, слушая, замрут.
Их в гости пригласили. Поговорить о маме!
Волшебно добрый человек, знай, проживает тут.

Она знакома каждому в поселке подмосковном:
был клуб, его хозяйкою заботливой слыла.
Нарядная, пригожая, с характером задорным,
лет сорок бойко ладила все клубные дела.

Ей и сейчас нейдет печального обрадовать,
детишек на путь истинный шутиливо подтолкнуть.
Своих подружек соберет и только скажет: «Надо ведь
под Рождество с гостинцами к болящим заглянуть».

Пока мы вас знакомили, ребята песни пели
(им на баяне подыграл хороший баянист).
Тарелки с кашей раздают. Без всякой канители
их очищает ребяшня. Компот? Как он душист!

Пора и по домам. «Мы ждем вас в нашей школе!» –
зовут ребята хором с учителем своим.
Ушли. От встречи радостной улыбка поневоле
играет, слезы копятя. Об этом помолчим.

Моим давним ученикам

Я снова вижу вас, роскошных женщин,

Уверенных, приветливых мужчин.
Друг другу рады мы не меньше,
Чем там, на старте тридцати годин,

Когда простились вы со школой
В семнадцать (невозможных!) лет.
Звонок последний – он веселый,
Вы помните его завет:

«Свободен будь!» Но как случилось,
Что вы не разошлись за тридевять земель,
Что дружба крепкая сложилась
И закрутилась карусель...

Заводит ее маленькая Кира,
Со школы староста, все тридцать лет – мотор.
Готова обзвонить она полмира,
Разворошить проблем затор.

...Гостей застолье собирает,
Звенят бокалы, слышен смех.
То память детства вас объединяет
Иль возвращает в юность каждого и всех.

А мы учили вас, для нас вы дети,
Так вышло – на десятки лет.

Мы рады, если вам удача светит.
Не утихает боль за тех, кого уж нет.

Вы помните о нас – то лучшая награда.
За что? Не знаю. Верю иногда,
Что школа не была для вас глухой преградой,
Когда бушует юность, как весной вода.

Что больше помнится тепла и света,
Чем незаслуженных обид.
Так пусть вас долго греет это,
Союз прекрасный сохранит.

Солнечная песенка

Весел и беспечен человечек целый день,
если ему:
– Сколько лет?
Он свою шапчонку лихо сдвинул набекрень.
– Пять уже! – готов ответ.

А кругом улыбки светят мамы молодой,
папы хоть куда, бабы не седой.
Да два деда на примете, нет, не с бородой,
а зачем смешливым борода?

Человек торопится присваивать года,
вместе с ними – шар земной!
Мимоходом шлют привет чужие города
от сыночка в дом родной.

А в ответных письмах – мамина любовь,
от отца наказ, бабушкин указ.
Лишь два деда не ответят, нет их на земле...
Погрустнел и наш рассказ.

Сразу стало неуютно парню моему,
словно ветер окна разорил.
«Что же делать? Может, полюбить мне самому?
Только бы хватило сил».

И опять семья большая дружно собралась.
Милая жена, мама – не одна,
У отцов – их тоже двое! – ссора началась:
ох уж эта тема – власть!

Эй, мальчишка, даже взрослый, может, и седой,
надо жить, как в детстве, просто, вот совет простой:
в облаке любви, в солнечной пыли
долгий век плыви...

Ах, это старое кино!

Декабрь. На улицу идти –
тепло оденусь,
чтоб не вернуться с полпути.
Куда я денусь:
какой бы ветер ни пугал
и непогода,
с утра предпраздничный аврал,
полно народа.

Для новогодних разговин
накупим снеди
и в гости (скопом, не один!)
гулять приедем.
Там телевизор угодить
вовсю стремится,
друзей задумал пригласить –
родные лица!
Он крутит старое кино
всю, всю неделю.
Оно пьянит нас, как вино,
как запах ели.

Вот снова четверо друзей,

что раки красны,
пьют и поют. И нам ясней,
что жизнь прекрасна.
Мы радуемся через край,
когда сам Гога
шепнул Катюше «Отдыхай!»,
прикрыв немного.
За Бальзамина с тех пор
душа страдала:
купчиха Нонна на забор
его распяла.

Миронов, Гурченко, Бурков,
Алиса Фрейндлих –
да, список тот без берегов,
имен бесценных.
Они знакомы с давних лет –
родные люди.
И с нами те, кого уж нет,
навек пребудут.
Народ и песни взял в полон,
в свои владенья,
и распевает «Старый клен»,
«Страну оленью».

Что ж, приглашай кинодрузей,

веселый праздник,
смеши, печалься, пой и пей,
святой проказник!

Январская юла

Первый день января, лишь родится,
выпускает на волю юлу.

Замелькают веселые лица
кругом, кругом да в кучу-малу.

Вновь шампанское ввысь улетает
в честь рожденья его на земле.

Звон часов – и до дальнего края
в пляс бросает январь по юле.

Еще год за горами-долами:
холода, и капель, и жара.

Не забудем, завертим мы сами
круговерть, что ни месяц – пора!

Наши предки, как лентами девку,
торжествами украсили год,
сочинили обряды, припевки –
шумных праздников хоровод!

Будни серые, скудные,
как погода простудная.
Но за тучей укрылись лучи.
Праздник будет, пекут калачи.

Новый старт задает нам январь.
Потрудись и попразднуй, как встарь!

Только нынче забыла юла
нам снежку накидать. Ну, дела...

Шутка

*«В Вас мудрости неисчерпаем запас,
И жизнь гармонично сложилась у Вас,
И правильны приоритеты.
Давайте и выпьем за это!»*
/Стихи на поздравительной открытке/

Подождите, подождите
вы бокалы поднимать,
приговор повремените
дружным звоном подтверждать.
Я еще жива покуда,

монумент – бррр! – не к лицу.
В позе лотоса, как Будда,
отсижусь... потом... к концу.

Вслед прозрение простое:
эти памятники лгут.
Жил, грешил, не знал покоя
человек – то друг, то плут,
ошибался, в пляс пускался.
А о нем такое... тут...

Ну, конечно, каждый хочет
умным быть, коль не дурак.
Вот, допустим, дождик точит
свои лясы, осень, мрак.
Поневоле скучный, мудрый
стих о жизни сочинять
начинаешь. Что там суры
и иная благодать!

Это всё, конечно, шутка,
в ней лишь доля правоты.
Но прослыть премудрой уткой
всё же не стремишься ты?

На крымском взморье

Слепит сияние просторов водных.
Плеск быстрых рук, шуршание волны.
Как щедро ты для всех, морское лоно,
как нежны твои ласки и вольны.
Блаженство крепких тел!

Но чуть в сторонке
от шабаша купального – взглядишь –
семейство молодое, оба тонки,
мальчонку окунают – вверх да вниз.
Весь в желтеньком, цыпленок мягкокрылый,
пугаясь, прислоняется к отцу –
и в воду. Рыбкой стать хватает силы.
Восторг движенья – искрой по лицу.
То мама, то отец его купает,
дитя больное. Верю сильны:
соленых волн врачующая стая
прочь унесет их горестные сны.

С бедой своей одни на целом свете.
Хоть невиновные, за всё в ответе...

То давнее виденье – не забыть.

Союз троих прошу благословить.

Времени полет

Два мира

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне /Эммануил Кант/

Младенец у царя родился.
«Наследник!» – празднует народ.
А он дышать едва лишь научился,
Сжимать и разжимать зачем-то рот.

И кто-то мудрый усмотрел иное:
На маленькой Земле, летящей в пустоту,
Явилось существо – еще одно, живое!
Оно увидит мир и красоту.

Так странно мыслим мы. Мы разные такие?
Нет, часто все замешено в одном,
Во мне, в тебе, в Китае и в России.
Мы в двух мирах с рождения живем.

Мир первый – это край чудесный,
Где много света и любви.
Но вот уже тропинкой неизвестной
Мы проникаем в мир всевластья на крови.

Его давным-давно пророки предсказали
Судьбою первых двух людей,
Они мир новый открывали
Нежданной гибелью любимых сыновей.

Там правит общество, просты его законы.
Главнейший: защищай свои права
И рвись вперед, одолевай препоны,
Пока в упряжке кровь и голова.

Нас всех несет поток, мы в полном подчиненье
Порой до самого конца пути
Очнешься и глядишь в недоуменье:
Как это все со мной могло произойти.

* * *

Два мира на земле. Так где же первый?
Лишь память детства? Нет. Священная страна.
Как раннею весной ждут солнца вербы,
Так тяга к ней среди людей растворена.

Семья, друзья – из той дали планета,
Которую ты создал, осветил.
А если в сердце море света,
С тобой другим планетам по пути.

Лишь только бы душа не выгорала.
Поддержка есть: во храме постоять,
Чтобы гордыня с плеч твоих упала,
Любовь по жизни повела опять.

Есть храм еще один – искусство.
Он свет ушедших душ хранит,
Затронет разум твой и чувство,
Стихами, музыкой с тобой заговорит.

А впрочем... Если в неприметный,
Обычный вечер, без огней,
Ты постучишься в дом заветный,
Забывший храм души твоей,

Там постоишь в тиши суровой,
Где, словно осы, жалит боль,
То выйдешь, будто снял оковы,
Сменил отыгранную роль.

Так вечный бой ведут два мира –

Невидимый, неслышный бой.
Победного не будет пира,
Но не отступит мир благой.

С рождения и мой запущен маятник.
В душе то свет, то мрак, то холод, то любовь.
Двуликий Янус – нам достойный памятник.
Качни и задержи меня, где солнце всходит вновь!

Когда человеку кажется, что впереди вечность

Бежит малыш в обнимку с ветром.
За ним сам-друг лохматый пес.
Их солнце разбудило утром,
И кто-то вон на улицу унес.

Трава хватает за лодыжки,
Но вот и речка – шелковый песок,
Водица по колено с лишком,
Мальки щекочут. Вертится Дружок.

День засверкал, запел, зашевелился.
Стрекозы, бабочки летят – куда?
Наш кроха в суете той растворился.
Он знает: будет здесь и завтра, и всегда.

* * *

(Фантазия)

Стучит по рельсам маленький вагон.
В нем человечек миг свой проживает.
Вчера малыш, историк нынче он,
Все больше видит и все больше знает.

Назад взглянул. Что это? Целый ряд
Вагонов мчится – хвост. А что в начале?
Из всех окошек смотрят, гомонят.
Наряды – рыцарей в них облачали.

А там, в туманном запределе,
Лишь шкура на нагих плечах.
«Я понял, понял, в самом деле
Миг времени хоронится в веках!

В вагоне каждом – новая эпоха,
Истории ячейка, склад судеб.
Эх, пробежать бы их насквозь! Неплохо
Проникнуть во дворец, потом в вертеп».

Истории лавина навалилась
На юношу, он в ней растет.
И кажется, безмерно удлинилась
Его живая жизнь – назад, вперед.

Зачем тревожиться о миге малом?
Путь человеческий его манит.
И в этом откровенье небывалом
С «memento mori» вдруг исчез гранит.

Забыл о смерти собственной? Забыл!
То в годы зрелые случается.
Когда фонтаном бьет избыток сил,
Когда себя полету времени вручил –
Мираж бессмертия является!

Костер в глухой ночи

Костер в глухой ночи.
Есть тьма и нет пространства.
Мир съежился, молчит.
Вершит свое шаманство
лишь пламени струя,
где жизнь, её края.

Всю ночь костер в степи
мерещился, в осенней.
Кто у огня сидит?
Кому он во спасенье?

Как морок надо мной,
манит огнем-свечой.

Земной корабль – костер
во тьме непостижимой.
Кто сплёл над ним шатер
из солнечных пушинок?

Новогодняя грусть

В памяти – окошко:
выставка Дали.
Слон на тонких ножках
взвился от земли.
Деревце. На ветке –
мягкие часы.
С кончика, с пипетки
капельки росы
льются. Знаю, как же:
время так течёт
мерно, и однажды...
Капли «чёт-нечёт».

Много их разбилось
на моем веку.

Будет Божья милость –
дальше потеку.

Спрашивать об этом
любим в Новый год.
Тайны под запретом?
В январе не в счёт.

В святки, под Крещение
не ленись, гадай,
прояви терпенье –
загляни за край.

Улетают в небеса
с грохотом огни.
Мне же – грусти полоса
праздничные дни.

Будь рядом

Путь одолевает
золотой жучок.
Цель похода знает,
рвется горячо.
Для него былинка

что бревно в лесу.
Засверкала спинка
сбоку на весу.

Здесь свои заботы
и своя беда.
Здесь другие ноты
слышатся всегда.
Днем, в ночи бессонной
оглянись окрест -
там и сям стозвонный
зазвучал оркестр:
тихий шорох, шепот
иль жужжанье крыл,
затаенный топот
смял лесной настил.

А ведь нас забросил
в мир, где жизнь цветет,
скопом всех без спросу
времени полет.
Современник милый,
не робей, кружись,
в пустоте унылой
поддержи нам жизнь.

Убегают уставшие люди...

Убегают уставшие люди
в сень прохладную ближних лесов.
Здесь никто их за грех не осудит,
хоть и сотни звенят голосов.

Растворятся сердечные муки,
лишь завидят, как солнца лучи
простирают воздушные руки,
согревая, что стыло в ночи.

Что ни шаг, красотой врачует
то полянка с черничной росой,
то узришь сыроежку – крутую,
вся она как труба для басов.

Ночь придет, напоит тишиною,
лаской звезд и дыханьем трав.
Мир спасет... мир спасен красотой –
наш писатель воистину прав!

Человек хлопотлив, своенравен.
В подражании смелом творцу
и в дерзании сладостном равен

себе кажется Богу-отцу.

И глядится в прозрачные воды
птицей белой взлетающий храм.
Городов, тихих сел хороводы
красотой не уступят лесам.

Стону ветра, пчелиному гуду,
птичьим посвистам, звону ручья
откликается музыки чудо,
отзывается песня моя.

Тот же свет красоты согревает
всех уставших, печалью больных.
Лишь бы воля глухая, слепая
не расстроила милый мотив.

Дороги к храму

Айя-София и Домский собор,
тучей – Нотр-Дам де Пари –
храмы великие. Тихий восторг:
то ведь умельцев дары.

Храмы живут, уносясь в небеса.

Свечи мигают во мгле,
рядом чуть слышных молитв голоса.
Не помолиться ли мне?

Мир догадался лелеять, беречь
даже пустой Парфенон.
В нем не услышишь жрецов строгих речь.
Чем же так властвует он?

Видно, дорога до храма нужна
даже в ученый наш век.
К горним высотам крутая волна
здесь набирает разбег.

В милой Руси трав душистых простор
или заснеженный рай –
все оживляет церквушек дозор,
свято хранят родный край.

А города? Узнаешь их в лицо
по колокольням церквей.
Клад – не одно Золотое Кольцо,
северных сколько затей!

В храме стоим, прислонившись к стене,

ждем обновления души.

В клеточке каждой покой, как во сне.

Благодари, не спеши...

Сотни веков, с эры давней, седой,
пагода, церковь, мечеть
были – и будут! – чуть видной звездой
в сумраке мира гореть.

В Третьяковской галерее

В тишине чуть слышен шорох ног.

В залах броуновское движенье.

Связывает всех волненья ток:

пред тобой великие творенья.

Кто-то близко подошел – назад:

Струйская... её поэт увидел*.

Сколько лиц со стен на нас глядят!

На Руси осталась их обитель...

В новом зале царствует Крамской

и его Христос в пустыне дикой,

в бедном одеянии, босой,
с опечаленным, уставшим ликом.

Пальцы заплелись в тугую связь.
Знак решимости, суровой воли?
Над душой лишь собственная власть
встать на путь страдания и боли.

Не могу уйти. Я с ним одно,
та же мука в сердце проникает.
И хотя подняться не дано
до него, нас что-то возвышает.

Иисус и просто человек
на распутье долга и желаний.
Ставит те загадки жизни бег
каждому в годину испытаний...

Нет величия – смирение и покой.
Есть величие! Но высоты другой.

** Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутавшись в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас.
/Н. Заболоцкий/*

На что рассердился бог Аид /Сказочка/

*«И смеется вся природа,
Умирая каждый миг»*
/Н. Заболоцкий/

1

Долетели эти слухи
до подземного царя.
– Все смеются? Даже мухи?
Смерть старается зазря
напугать беспечных пташек,
однодневок-мотыльков?
Нет, не верю, правду скажет
мой садовник.* Он таков:
изучил ее, природу.
Пусть летает ветерком,
становясь себе в угоду
то синицей, то жуком.

2

Полетел садовник смелый,

он командировке рад.
Глядь, весна взялась за дело:
листьев, трав, цветов парад.

«Что ж, начну с листочка ивы.
Ишь ты, машет мне флажком».

– Осенью слетишь тоскливо
и умрешь под сапогом.
– Подними-ка мой листочек, –
ива ветерку шуршит.
– Что увидел? – Почку. – Почку!
Новый лист в нее защит!

«Жаль, я что-то проглядел,
оказался не у дел».

3

На полянке золотистой
раскрылились глухари.
Ох, токуют голосисто!
К самке звуков пузыри
долетают и ласкают
сердце трепетное всласть.
Песни те охотник знает
Ведь пропасть вам всем, пропасть!

Но глухарь и есть глухарь.
Хоть из ста стволов ударь,
выдохнет свои рулады.
Сердцу надо! Сердце радо!

«Ишь ты, «надо» глухарю.
Жаль, напрасно говорю».

4

Некогда под солнцем греться.
Подползает к муравьям.

«Хоть щекотно их соседство,
я вопрос им свой задам».

– Вашу смерть я видел рядом:
жабу, черного крота...

– Не мешай нам, срочно надо
дом достроить. Маета!

«Ну, чудной народ!»

Тут слышит:

кошка по стволу скребет.

Злые зенки выше, выше,
к птичьей кладке поворот.

Самка сжалась, не до смеха.

«Примет пташка злую смерть!»

Царь узнает...»

Стоп! Потеха!

Кошке с дерева лететь
срок настал. Самец стрелою

в лоб, а самочка крылом
размахалась над бедою –
пронесло! Сидят рядком.

– Каково вам жить на свете –
смерти ждать.

– Нет, ждем птенцов,
крепенькие будут дети.

– И таких же храбрецов?

«Знают правило ребята:
защищаться – это свято!»

5

Потолкался наш садовник
на болоте и в лесу.

Отвечали все дословно:

«брысь» на смертную косу!

Отдыхает, удрученный
темной ночью у реки.

Вдруг услышал отдаленно
подвыванье, вслед – прыжки.

Появился пес нестарый,

хвост, однако, как метла.

– Что с тобой? Какая кара
экстерьер твой унесла?

– Все мне кажется, за мною
смерть украдкой идет.

Я прислушиваюсь, вою.

Нет давно других забот.

«Так, нашелся бедолага,
мысли, страхи – о себе.

В точку съёжилась отвага
в неказистой сей судьбе.

Покажу его в Аиде.»

Что-то понял наш гонец:

«Тварь живую не обидел
бог природы, бог-отец.

Научил себя забыть,
жить взахлеб.

Любить?

Любить!»

** В царстве Аида был свой садовник*

Притяжение пространства

С высокой горки мальчуган бросает гальку
в просторный, светлый пруд.

Комочек в солнечном луче раскрутит сальто,
шлеп – по воде бегут,
расходятся круги все шире, дальше, дальше,
шевелится камыш
от добежавших волн в неслышном, робком вальсе,
ломает гладь и тишь.

Что камень! Птенчик у гнезда круги наводит,
а завтра – в небесах.

За тридевять земель птиц наших хороводы,
и там их голоса.

А человек? Взгляни: ты в центре лабиринта,
кругом – года, года.

Они осваивали мир земной, нам видны
селенья, города...

Зов дали дальней, притяжение пространства
так властны для людей.

Дай, Боже, дерзости бежать от постоянства

в объятья гор, морей,
любить вселенную до самых малых звезд,
на шар земной глядеть, поднявшись в полный рост.

Раздумья в год столетия русской революции

Если в юности не жаждешь революции, у тебя нет сердца. Если в зрелости веришь в революцию, у тебя нет разума.

/Вольтер (текст по памяти)/

Век революции российской созревает.
Живое племя рвется оценить,
Словно блудницу, дерзко раздевает,
распарывает швы за нитью нить.
Другие, оттолкнув, рядят в знамена,
с серпом и молотом корону тянут ввысь.
И над просторами привычно и знакомо
хор голосов, что вопли, понеслись.
История, как клякса, растеклася.
Считалось белым – кроют чернотой.
Из декабристов ни один не спасся.

И бывший грош идет как золотой.
Заведомых политиков реченья.

Простой народ вздыхает и молчит.
От послеперестроечного рвения
что-то не меньше прежнего знобит.
Ткачиха славилась во всей округе.
Теперь охранница, ведь фабрики-то нет.
Завод скукожился, а старые заслуги
забыты, и в цехах аренды след.
Мы господа! Мы равные «граждане»!
Да так ли? Шел о чести разговор.
Услышал тихий шепот дяди Вани:
«Какая нынче честь? Не тот узор».

Отпустим с миром трудный век двадцатый.
Помашем вслед советским временам.
Ушел этап истории, распятый
кровавым действием, разрешенным нам.
Истории не следует стыдиться,
она не хуже, чем в других краях.
Пусть светятся в ней тружеников лица,
всех мучеников, всех, кто пал в боях.

Стыдиться стоит, если в новом веке,
желанную свободу обретя,

забудет власть о КАЖДОМ человеке,
и будет вновь он сирое дитя.

Стыдись, коль словно у того соседа:
красно снаружи, а внутри – разор,
со всеми у него идет беседа,
поля ж не вспаханы. Хозяйство – смех, позор.

А радости и солнца было много.
На том стоит наш горький, мудрый мир.
Пылится для прохожего дорога,
а в праздник, хоть и бедный, сладим пир!

Человекобог

*Человек... Я вижу его чело и смелые, глубокие глаза,
а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы,
которая в моменты утомления – творит богов, в эпохи
бодрости – их низвергает.*

/А.М.Горький/

Столетие великой смуты
грозой ушло за горизонт.
Предновогодние минуты
еще хранят далекий звон.

Зарницы, сполохи тревожно
играют в темных небесах:
Горит экран! Ему возможно
вернуть людей, их голоса.

И демон революций наших,
и Троцкий, грозный «царь зверей»,
конем железным, взрезав, пашут
историю страны моей.

Мощь интеллекта, мощь природы
волнуют, убеждают нас.
Но постепенно на фигуры
зловещий падает окрас.

Отвергнув Богочеловека,
родился Человекобог,
уверенный: «Мир плох от века.
Перекрою. Хотел и смог!
Что вновь построить – вижу, знаю.
Сомнений нет, нужна лишь власть.
Гуманность, совесть? Закрываю
пока вопрос, чтоб цель сбылась!»

Вот только Человекобогом

себя считает и другой,
и третий созревает сбоку,
готовясь долго быть главой.

То вместе, то боясь друг друга,
вершат великие дела.
В слезах российская округа.
Что ждаты: добро иль море зла?

Послушай, власть, тревожный голос их

Я вижу их в бескрайней серой массе –
суровых ссыльных, горьких каторжан,
что движутся по слову царской власти
в Сибирь, там остановит их межа.
Я вижу политических. Упрямо,
с сознанием правоты глядят глаза.
Во имя правды выбрали ту лямку –
судьбу свою, чтоб грянула гроза.

Им слово донести б до власть держащих,
горячим сердцем всколыхнуть нутро
чиновников глухих, беспечно спящих,
вцепившись в мир удобно и хитро.
Во все века те, кто «для чести живы»,

кто видит зорче, чувствует больней,
рождались, чтобы уловить призывы
униженных на родине своей.

Послушай, власть, тревожный голос их,
не окрести, как сотни лет, врагами.
Народ тогда не выйдет на «своих»,
майdan не двинется кровавыми ногами.

А «Бесы» Достоевского? Ну что ж?
В святой обители не все святые.
Не просто разгадать чужую ложь.
Поток захватывает сели грязевые.
Да, революция – поток, лавина.
По центру чистая, но узкая струя.
Грохочущих камней широкая долина.
Средь них сверкает искрой жизнь... моя?

Лев Толстой (к 190-летию писателя)

«Какая глыба, а? Какой матерый человечине!»

/В.И. Ленин о Л.Н. Толстом в воспоминаниях М.

Горького/

Посмотрите на дали лесные

с высоты наших русских холмов.
Взор задержат дубы вековые,
ели темные до облаков,
что царят над рядами березок,
над осинником или ольхой.
Не пугают их бурные грозы,
не сломает и ветер шальной.

В нашем море людском поищите
той же мощи умы и сердца.
Выпрямляются в гуще событий,
и уже не забудешь лица.
Вечность мчит имена их пред нами –
сотни, тысячи, больше... Гляди:
Льва Толстого холщовое знамя
где-то рядом и всё ж впереди.

Взгляд нахмуренный: мучат сомненья.
Совесьть – главный его судия.
Как поправить фальшивое зренье,
чтоб душа не чернела твоя?
Долг писателя: вывел героев
все на ту же крутую тропу.
Мощь мыслителя: требует боя,
мир так лжив, он летит в пустоту.

Век, второй громко бьёт он в набат.
Не слышать? День неправдой богат?

Так, быть может, он *твой* друг и брат...

К 200-летию Тургенева

Профиль благородный, умный взгляд,
седина волос и бороды.

Назовите имя наугад.

Да, Тургенев. Угадали вы?

Всматриваюсь. Чудится: костер,
мальчуганы славные в ночном,
асиной любви немой укор,
у могилы старики вдвоем.

Оживают, радуют порой...

А как много словно обо мне:
строит жизнь, себя его герой,
догорает в избранном огне.

Шелестя, зовут страницы книг.

Автора высокая душа

где-то рядом, В этот самый миг

ты растешь, страшась и чуть дыша.

Жизни пролетел какой-то срок –
книги-друга выдержу урок.

Стена памяти

В городе вдоль малого шоссе
длинная стоит стена-ограда.
Бодро шел по узкой полосе
наш автобус: всем куда-то надо.

На стене той фоторепортаж
мимо глаз летит киношной лентой.
Дар архива! Он для всех и – наш,
город наделил богатой лептой.

Но сегодня я пешком пройду
вдоль спасенных снимков, серых, давних,
онемею, углядев беду и надежды,
нет которым равных.

Дни отката нечисти, назад
первые шаги немецких полчищ.
У жилища-шалаша стоят
три фигуры изможденных, тощих.

Женщины села Бородино
(виден крест двенадцатого года).
Ад кипел здесь нынче и давно.
Выжили – такая уж порода.

На других (все в метр величиной)
радостные люди-новоселы.
Окнами сверкает в летний зной
дом их – первый новый кров в поселке.

Мост через Оку был взорван – слышу:
пилы ноют, молотки стучат.
Парень на столбе – все выше-выше,
загорятся «лампы Ильича»!

Стоп! Улыбка снова соскочила:
предо мной, как призрак, Сталинград.
Камера любовно осветила
полк бойцов сгрудившихся. Хоть смрад

в воздухе, а за спиной солдатской
дом навис огромный, дом-дракон.
Неужели вновь восстанет, братцы,
город сей безглазый – без окон?

Я стояла, видя пред собою

палачом распятую страну...
Но живой народ! Со всей душою
раны лечит, одолев войну.

Что терзало? Память о погибших,
голод и сверх меры тяжкий труд.
Что ласкало? Радость переживших,
но спасенных от смертельных пут.

Право есть надеяться, любить –
словом, жить на свете, просто жить.

Новые слова

«Когда изменяемся мы – изменяется мир»

/Е. Евтушенко/

Поздравляю с пополнением
в лексике. Салют!
Новый век, иное зренье –
слово тут как тут.
Объявилось, раскрутилось,
обозвать взялось
нас, сограждан.
– Сделай милость.

Ты желанный гость.

– Трое нас. Лох – работяга,
мышцы, глянь, бугор.

Рядом лузер, доходяга.

Сам себе укор.

Я же офисный планктон.

Как костюм? Прическа?

Соблюдаю светский тон,

хоть козявкам тёзка.

– Стой! Зачем же работяга?

Труженик. Герой.

Ну, словечки. Сколько яда

в вас, насмешки злой!

Кыш отсюда, улетели!

– Да? А ты простак.

Мы, конечно, только тени

тех, кто мыслит так.

Их, смотри, посея просторный
в русских городах.

Слово, если и позорно,
скачет на устах.

Честь была труду любому,
действуй от души!

А теперь свой фарт – основа,
слабого круши.

Так мы их и обозначим
новеньким словцом,
чтоб не жалобили плачем
тех, кто прёт бойцом.

Вот каков у нас резон.

– Века
нового
закон?

В волнах поэзии плыву...

Я не чужая их бытия...

Я не чужая их бытия,
хотя день не пройдет без касанья
тех высот мастерства и призванья,
что сберечь рвется жизнь-судия.

«Демон» Врубеля, Клодта «лошадки»,
«Медный всадник» – скульптура, стихи,
взлет Нуриева, бас для «Блохи» –
блеск искусства! (Пытаюсь быть краткой).

Но когда засветились слова
и я сладила стихотворенье –
разгадала икаров паренье.
Будет, нет ли, цела голова.

Сколько их объявилось кругом!
Цель одна – красотой упиться:
вышить гладью живую синицу
и от радости плакать потом.

Даже малое счастье творить
«будь вовеки благословенно».
Оно крылья дарует, безмерно
напрягая уставшую нить.

К товарищам по перу

Я сегодня встречаю вас снова –
окрещенный стихами народ,
для кого драгоценное слово
вдруг на чистой странице встает.

Пусть пока лишь для вас засветилось,
лишь для вас дарит свой аромат.
Если слово живое явилось,
торжествует строфы вашей лад.

Но непросто заметить обманку,
что скатилась, как клякса с пера.
Раскрутите ее наизнанку,
быть суровым настала пора.

Мысль высокая жаждет рожденья,
засверкать рвется камнем в кольцо.

Мастеров беспощадное зренье
приобщите до точки в конце.

Луч

Поэтессе Елене Соседовой/

День неласковый, унылый,
как забытый дом.

Спрятал голову гульливый
голубь под крылом.

Тут веселый тонкий лучик
щель свою нашёл
в чаще облаков дремучих,
колесом-грошом
прокатился по речушке,
листик шевельнул.
Вот деревня на опушке –
в стекла заглянул.

Луч... Любому в жизни тяжкой
на него расчет:
кто-то с сердцем нараспашку
вовремя зайдёт.

Нет? Но песня зазвенела,
рассмешил чудак.
Это все благое дело,
и отрада, так?

Для соседущки бедовой
добрый свет – в стихах.
Лишь найдется злато-слово –
запоёт в устах,
растревожит сладкой болью
от красы земной,
душу напоит любовью,
унесет с собой
в беспредельные просторы,
где слепит заря.

Её песням будет вторить
радость бытия.

Ноябрьский букет

Вам дарили цветы – вы их помните?
Чем задела живая краса:
воцарилась сирень в вашей комнате,
орхидеи сверкнули глаза,

или, может, решили сомнения
хризантем золотые шары?

Я недавно с немym восхищением
принимала простые дары.
То большой был букет, всё ноябрьские,
уж готовые сгннуть цветы:
ветки розочек – вовсе не царские,
россыпь пестрых ромашек, пласты
той капусты малиновой заячьей
и рябины роскошная гроздь.

Да, по саду с волшебной палочкой
прогулялся осенний мой гость.
Где она затаилась, волшебная? –
В поэтической русской душе.
Эта сила, как дар совершенная,
оживай и в стихов вираже!

С днем рождения, Александр Сергеевич!

Воскреси – своё дожить хочу! /Маяковский/

Московское метро. Час ранний, суматошный.

Людской поток – в вагон, назад, на переход.
Приезжий изучает надписи дотошно,
страшит его толпы крутой водоворот.

И я в той тесноте ладья, что одинока
в безбрежном океане. Как оживить себя?
Поговорить бы с кем. Пожалуй, издалека
я позову его, я воскрешу любя.

Кто это может быть? Да Пушкин же, конечно.
Ему я покажу любимую Москву.
В сторонку отведу и объясню сердечно,
какие чудеса он видит наяву.

Два века с лишком тройкой пролетело.
Ах, Пушкин, «день грядущий» пред тобой,
открытиям чудесным нет предела!
Но человек? Все так же скорбен пред судьбой.

Шагнем на лесенку и воспарим из подземелья,
пройдемся, сторонясь машин и москвичей.
Мы вспомним про Арбат, там дом, там келья,
где близко вспыхнул свет ее очей.

И все же почему поэт со мною рядом?
Другого никого представить не могу.

Глядит, как на портретах, грустным взглядом,
он друг, хоть и в чужом родившийся кругу.

Читатель для него приятель, братец милый,
он с ним открыт, и весел, и умен.

А слог его, простой и златокрылый,
ласкает слух с тех памятных времен.

Но что для нас дороже дорогого:
угаданный в стихах природы русской след,
зерно души большой, явившейся из слова.
Её нам постигать, как тайну, много лет.

А я иду вперед загаданной дорогой,
читая тихо из «Онегина» главу.
Прохожий обернулся на меня с тревогой,
не понял, что в волнах поэзии плыву.

Что ж, Александр Сергеич, с днем рожденья!
Твой день – начало лета и тепла.
Земля опять в торжественном цветенье.
А память о тебе печальна и светла.

Осеннее раздумье

Memento mori! Нам её являет
то жизни боль – печальный, тёмный взгляд,
то вздох искусства, то до слез сырая
старуха-осень за окном – злой сад.

Отвлек экран домашний: ребятишки
сидят на лавках, пробуют читать.
И я пыталась в драгоценных книжках
открыть им русской речи благодать.

Но подойдет пора: я знать – не знаю,
как назван ручеёк, зеленый лес,
воздушный мост от края и до края,
в какие буквы олененок влез.

Потерям нет конца. Родное слово,
с душой (живой?) обнявшись, улетит,
но для друзей в моих стихах-оковах
живёт, поет... Вы слышите мотив?

Мой привет далекому поэту

Меня давно привлекают стихи японского поэта Мацуо Басе, его хокку. В трех строчках (8-9 слов) он умеет запечатлеть мгновение жизни, далекой для нас (три века назад) и такой по-человечески понятной. Для Японии Басе так же дорог, как для нас Пушкин. К его трехстишиям многие художники Японии создавали рисунки. Мое постижение хокку было таким же: рисовала простенькие картинки – свои картинки. Потом возникло непреодолимое желание нарисовать картину стихами на наш манер: с рифмой, несколько четверостиший.

Хокку обладают особенностью: они будят воображение, разыгрывается фантазия. Может быть, в этом их главная ценность. Мне кажется, что давно ушедший из жизни поэт далекой страны кидает мне мяч – свое послание, а я должна вернуть его своими стихами, словно признаваясь, что вижу его глазами, чувствую его сердцем. Я думаю, каждый поэт был бы счастлив снова ожить в душе другого человека другого времени. Дело за «малым» – написать хорошие стихи. Простите, не уверена, что получилось, но так хочется, чтобы кто-то их прочитал. С автором я не соревнуюсь, стихи Басе проще, целомудреннее, значительнее – триумф краткости.

Хокку.

Алые сливы в цвету...

К той, кого никогда не видел,

Занавеска рождает любовь.

/Мацуо Басе/

**Это стихотворение – в память о жизни поэта Басе. Он не имел своего дома, бродил по дорогам Японии.*

Я иду весеннюю тропюю
Меж зеленой молодой листвы.
Птичьи споры веселят порою.
Их заботы не новы.
Я ж не вью уютного гнездовья,
Вновь по свету белому бреду.
Ночью зябкою – мешок под изголовье
Да костер заветный разведу.
Птицы мне родня по тихим песням.
«Цвирк!» – замолкла. Так пою и я.
Для меня она чудесней
Долгой, жаркой трели соловья.
Обогнул гору и вижу
Домик у подножья, поле, сад.
Тороплюсь: ночлег все ближе,
Отдыху на сеновале рад.
Шаг ступил в ворота – алым цветом
Слива опалила, обожгла.

Все забыл: и просьбы, и приветы,
Радость светлая мне на сердце легла.

...Уходил холодным утром ранним.

Постоял у сливы и на дом оглянулся – над окошком край-

ним

Занавеска двинулась углом.

Кто там дышит в розовом уюте?

Я не знаю, но – беда! – люблю

И готов уж ласково лелеять

Вешнюю мечту мою.

Где ты, кукушка?

Привет передай весне,

Что сливы расцвели.

/Мацуо Басе/

Кукушечка-сестричка,

Ты почему молчишь?

Не тенькает синичка,

В лесу туман и тишь.

А между тем весне милей

Веселые дела.

Привет ей прокукуй скорей,

Ведь слива расцвела!

Ива на ветру,

Соловей в ветвях запел,

*Как ее душа.
/Мацуо Басе/*

Ветры весенние злые
Рвут молодую листву.
Ищут бойцы удалые
Новой забавы. К кусту
Ивы примчались, раздели,
Ветви пустили вразлет,
Подняли с водной постели
Брызг ледяных водомет.

Грустно, и горько, и больно
Иве. Закат запылал.
В ветках измученных вольно
Вдруг соловей засвистал.
Полная грусти, печали,
Песня была хороша.
Ветры затихли, признали:
То пела ивы душа.

*Вновь встают с земли
Опущенные дождем
Хризантемы-цветы.
/Мацуо Басе/*

Падают в бочку последние капли дождя.
Звон и сиянье повсюду.

Солнце лучами по травам бродя,
Их шевелит, поднимает. Радуюсь чуду.

Глянь! Хризантемы склонились в тени.
Белые шапки влажны, тяжелы и печальны.
Солнце! Ласкай горячо их и к небу тяни,
Чтоб заиграли красою первоначальной.

*Луну на сосну
И вешать, и снимать
Пробовал.
/Мацуо Басе/*

Гора еловых веток –
Хорошая постель:
На ней сон будет крепок.
Пока ж, как карусель
В глазах моих кружится
Небесный хоровод
И звезды, словно птицы,
Отправились в полет.

Тут выплыла, как пава,
Глазастая луна.
К сосновой ветке справа
Нацелилась она.
И вот уж прицепилась,

Сияет и молчит.
Лишь рядом завозилась сова,
Во тьме пищит.

Я вдруг поворотился
И снял луну с сосны.
Себе сам удивился:
То наяву иль сны?
Опять назад повесил –
Светило ни гу-гу.
А я и горд, и весел:
Как бог, ну, все могу!

Вертясь, я забавлялся
Послушною луной,
Пока не потерялся
Во сне, луна -со мной.

*Был пленен луной,
Но освободился. Вдруг
Тучка проплыла.
/Мацуо Басе/*

Хорошо постоять перед сном
Под бездонным небесным простором.
Клеткой кажется теплый мой дом.
Здесь вселенная перед взором.

А сегодня особая ночь.
Красный шар от земли оторвался
И поплыл в синеву. Он менялся,
Словно нити откидывал прочь.

И уже засияла луна,
Как богиня в неведомой дали.
Озарив мою душу до дна,
Увела ее в сумрак печали.

Морок длился. Клубящийся вал
Набежал вдруг на лунное царство.
То нечаянной тучки коварство
Помогло. Я домой зашагал.

*Безлунной ночью
В саду лиса крадется
К душистой дыне.
/Мацуо Басе/*

Ночь безлунна и тепла
Все затихло, отдыхает.
Завершив свои дела,
Летний сад благоухает.

Носом чутким повела

Рыжая лисица:
Где-то спят перепела,
В норке мышь таится.
Нет, то новый аромат,
Сладкий он, густой.
И лиса крадется в сад
К дыне золотой.

*Язычок огня.
Проснешься – погас, масло
Застыло в ночи.
/Мацуо Басе/*

Язычок огня
Светится в ночи,
Как осколок дня,
Что уже молчит.

Стужа вкралась в дом,
Разбудила нас.
Стынет масла ком,
Свет живой угас.

*Скрип калитки? Нет,
Это ветер метет к ней
Желтую листву.
/Мацуо Басе/*

Осенью безмолвны вечера.
Никого со мной, но чай согреет.
Грустно что-то нынче и вчера.
Небесам под стать огонь чуть тлеет.

Скрипнула калитка. Кто идет?
Посмотрю. Так... Листьев желтая охапка
Дверцу штурмом озорным берет.
Ветер с ними носится вприсядку.

Улыбнулся, и печаль ушла.
– Заходите! – Приоткрыл калитку.
Листья разлетелись вмиг, шурша,
Ветер потрепал, как друг, накидку.